

УДК 141

Ю.И. Новоженев

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

**ТРИ ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ АНТИДАРВИНИСТА.
СООБЩЕНИЕ 1. НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ**

Передо мной стоит невероятно трудная задача – дать нетенденциозную, лишенную ханжества, но не лишенную объективности, картину антидарвиновских взглядов Н.Я. Данилевского, тем более, что нас разделяет 125-летний период, когда он начал писать «Дарвинизм», а я закончил свою «Адаптивность красоты. Социобиологический анализ прекрасного» (Новоженев, 2005).

1. Изначальная целесообразность и общие законы развития Н.Я. Данилевского - против селекционистской концепции Ч. Дарвина

В Предисловие своей книги я включил эпиграф Н.Я. Данилевского (1895): «Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю». И далее, продолжая мысль основоположника номогенеза и социобиологии Данилевского, я цитировал его: «Красота есть единственная духовная сторона материи – следовательно, красота есть единственная связь этих двух начал мира. То есть красота есть единственная сторона, по которой она (материя) имеет цену и значение для духа, единственное свойство, которому она отвечает, соответствует потребностям духа и которое в то же время совершенно безразлично для материи как материи. И наоборот, требование красоты есть единственная потребность духа, которую может удовлетворить только материя».

Более того, символическим прообразом красоты Пракситель избрал божественную Афродиту, которой придал облик своей натурщицы Фрины. Эту гетеру завистники и ханжи обвинили в неуважении к богам, святотатстве и развращении выдающихся граждан республики. Толпа, жаждущая зрелища, собралась у Акрополя, где должен был состояться суд над Фриной. Вдруг из толпы вышел юный житель Афин и сорвал с обвиняемой одежду. Толпа ахнула и застыла в изумлении, очарованная ее красотой. Греки умели ценить гармонию и совершенство. Перед ними стояло божество, и судьи вынуждены были отступить. Генрих Ипполитович Семирадский воплотил идеал женской красоты в самой красивой картине Русского музея «Фрина на празднике Посейдона», 1889.

Таким образом, идеал красоты в моем представлении не отличался от идеала Данилевского, выраженного в его первой книге «Россия и Европа». Но вот я удосужился, наконец, внимательно ознакомиться со второй знаменитой книгой Н.Я. Данилевского (1885). И вот что читаем мы в заключительных строках этого произведения: «Шиллер в великолепном стихотворении «Покрывало Изида» заставляет юношу, дерзнувшего приподнять покрывало, скрывавшее лик истины, пасть мертвым к ногам ея. Ежели

лик истины носил на себе черты этой философии случайности, если несчастный юноша прочел на нем роковые слова: естественный подбор, то он пал пораженным не ужасом перед грозным ея величием, а должен был умереть от тошноты и омерзения, перевернувших все его внутренности при виде гнусных и отвратительных черт ее мизерной фигуры. Такова должна быть и судьба человечества, если это – истина».

Отсюда, на наш взгляд, для второй книги Данилевского никак не подходит эпиграф к его первой книге: «Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю». Скорее всего, бог создал Демона: «Я враг небес, я зло природы» (М.Ю. Лермонтов. «Демон», 1841). И неслучайно А. Горбань и Р. Хлебопрос назвали свою книгу «Демон Дарвина. Идея оптимальности и естественный отбор» (1988). Демон Дарвина не позволил «матемазаврам» понять простую биологическую истину: царство формальных математических моделей не идентично предмету рассмотрения. Отнюдь не случайно большинство сторонников Дарвина игнорировало книгу Данилевского с его критической оценкой классика биологии.

Следует заметить, что игнорирование капитального труда Данилевского (1885) продолжается до настоящего времени. Например, в двухтомнике «История биологии...» (1972) Данилевский упомянут только на трех страницах в нескольких предложениях. В частности: «Примером антидарвинского телеологического эволюционизма клерикального толка могут служить взгляды ученика и сотрудника К. Бэра Н.Я. Данилевского, согласно которым существуют «интеллектуального характера причины, произведшие и устроившие органический, да и весь мир». По воле Творца развитие идет по плану, «имеющему в виду достижение определенной цели» (Данилевский, 1885. С. 528). И еще одна ссылка, касающаяся ихтиологических исследований К.М. Бэра и Н.Я. Данилевского, которые организовали рыбохозяйственную экспедицию, работавшую с 1851 по 1870 г. на огромном пространстве от Каспийского и Черного морей до Северного Ледовитого океана, включая многие крупнейшие озера. Результаты экспедиции были изложены в девяти томах под общим заглавием «Исследования о состоянии рыболовства в России (1860-1875)» (История биологии..., 1972. С. 417, 503).

Не вызывает никаких сомнений, что Николай Яковлевич являлся одним из наиболее грамотных биологов своего времени. С детства он увлекался естественными науками, знал несколько языков, интересовался математикой. В 1837 году он был принят в Царскосельский лицей как «своекошный» (находившийся на собственном содержании) воспитанник. В 1847 году он получил степень кандидата и для защиты магистерской диссертации изучил и описал флору Орловской губернии. В студенческие годы он увлекался утопическим социализмом Шарля Фурье (1772-1837) и по делу Петрашевского был заточен в Петропавловскую крепость. К счастью, он не попал в ссылку, как Ф.М. Достоевский, но был выслан из Петербурга и зачислен в канцелярию Самарского губернатора в качестве переводчика.

Начиная с октября 1857 года, Данилевский был утвержден чиновником Департамента сельского хозяйства, где начинается второй этап его жизненного пути в качестве ихтиолога на рыбных и тюленьих промыслах. Где только ему не приходилось проводить исследования: он был начальником экспедиции по изучению рыболовства в Белом, Черном и Азовском морях, на Каспии и других промыслах (Страхов, 1995). Позднее он вновь становится ботаником в качестве директора Никитского ботанического сада. В 1880 году он открыл филлоксеру в России и становится председателем Крымской филлоксерной комиссии. И, наконец, он был известным садоводом и возглавлял как эксперт Всемирную выставку садоводства.

Как сообщает друг и биограф Н. Я. Данилевского Н. Н. Страхов, к зиме 1879 года относится начало написания «Дарвинизма». До вторичного открытия законов Менделя в 1900 году оставалось еще 20 лет. Хотя предшественники Грегора Менделя уже наблюдали все характерные черты поведения признаков при гибридизации: доминиро-

вания (Т. Э. Найт), комбинирования в потомстве (О. Сажрэ) и принцип единообразия первого поколения и расщепления (П. Нодэн), - тем не менее, если бы Дарвин или Данилевский ознакомились с работой Менделя, то они не смогли бы оценить ее значения. Известно, что даже мендельянцы и мутационисты не могли понять внутренний смысл законов Менделя спустя много лет после 1900 года, так как до 1926 года концепция генетической теории не была объединена с классическим дарвинизмом С.С. Четвериковым (1926). В «Дарвинизме» Данилевский писал (1885): «Неопределенная изменчивость есть та архимедова точка опоры, на которую должна опираться теория подбора, чтобы не остаться висящею на воздухе» (с. 132). Со времен Ч. Дарвина изменчивость представлялась его современникам неограниченной, беспорядочной, идущей во всех направлениях с восковой пластичностью, и не случайно она обозначалась «спортами».

Как мы видим, к началу написания Данилевским в 1879 году его «Критического исследования» и выхода его из печати в 1885 году («Дарвинизм») Дарвину уже снился «Кошмар Дженкинса». В 1867 году шотландский инженер Флеминг Дженкинс опубликовал большую статью, в которой показал, что у потомков от скрещивания двух особей, отличающихся по ряду признаков, будет наблюдаться тенденция к промежуточному развитию этих признаков, затерявшихся среди массы изменившихся особей.

В 1870 году еще один оппонент Дарвина Беннетт выступил со статьей «Теория отбора с математической точки зрения», в которой доказал, что для протекания эволюции путем отбора необходимо, чтобы этот фактор действовал очень интенсивно.

Дарвин пишет своим друзьям Гукеру и Уоллесу, что аргументы Дженкинса убедили его. Это главное возражение теории Дарвина отчасти было отвергнуто лишь после вторичного открытия законов Менделя, в связи с обнаружением рецессивных генов, на которые не действует отбор. Тогда, наконец, стало ясно, что дискретные единицы наследственности, не растворяясь в крови, переходят из поколения в поколение на протяжении многих тысячелетий, т.к. не проявляются в фенотипе их носителей. Лишь позже возникли другие проблемы, связанные с «Кошмаром Дженкинса», проявляющиеся на популяционном уровне, о чем мы пишем в своей книге, на поиски которой мы и отсылаем читателя (Новожинов, Табулдин, 2012).

Талантливый соавтор Ч. Дарвина и продолжатель его дела Альфред Уоллес писал в статье «Современное положение дарвинизма» (Иллюстрированное..., 1908): «В последнее время в самые широкие круги пущен слух, что песенка дарвинизма спета, что в качестве попытки объяснить происхождение видов и вообще развитие органического мира он окончательно вытеснен новыми и будто бы более научными воззрениями». Среди них называют три направления: нео-ламаркизм, мутационизм и мендельянство. «Сравнительно новая наука о наследственности выдвинула» неотразимые возражения против дарвинова предположения о передаче изменений. «В качестве существенной составной части общей схемы органической эволюции явления эти представляют, по моему мнению, самое ничтожное значение. Берут начало они от изменений по существу ненормальных; все равно назовем ли мы их разновидностями, «мутациями» или «игрой» (sports)». Они – отбросы из мастерской природы, как это ясно вытекает из того факта, что они не сохраняются в естественном состоянии. Таково было мнение одного из последних сохранившихся сторонников Дарвиновской когорты. В какой-то мере оно является проекцией взглядов Дарвина на дальнейший путь развития науки.

При рассмотрении мутаций, как главного материала, удовлетворяющего всем требованиям, которые необходимо предъявлять к элементарному эволюционному фактору изменчивости (Тимофеев-Ресовский и др. 1969), создатели синтетической теории учитывают их главные особенности:

1. Они должны затрагивать все морфологические, физиологические, этологические, химические и другие признаки, встречающиеся у всех организмов нашей планеты.

2. Мутации возникают не адекватно среде обитания того или иного организма, согласно принципу неопределенности Гейзенберга. Эта спонтанность мутационного процесса обусловлена тем молекулярным уровнем, на котором он происходит.

3. Они должны обладать половым аффинитетом (*affinis* – лат. родственный), т.е. способностью скрещиваться с другими особями популяции.

4. Изменяться может лишь тот орган, та структура, которая существует, для которой есть онтогенетические предпосылки. Как говорил Тимофеев-Ресовский: «У человека не может смутировать кисточка на конце хвоста, ибо хвоста у него пока нет».

«Но мы видели, что целесообразность и гармония органического мира не могли произойти путем подбора, уже по одному тому, что всякое индивидуальное изменение, всякая индивидуальная особенность, какую бы степень выгоды за ними ни признавать, должны исчезнуть через скрещивание, потонуть, поглотиться, раствориться в нормальных, численно преобладающих формах. Если же предположить, что такая особенность стала разом достоянием значительного числа особей, то этим самым особенность эта не будет уже индивидуальной, и тут не будет уже никакого подбора, а действие совершенно определенных причин, изменение по определенному плану. Если, наконец, эти изменения должны происходить крупными скачками, то они не могли бы оказаться приноровленными к внутренним и внешним условиям их бытия иначе, чем по определенному плану развития, имеющему в виду достижение определенной цели. Только такую форму трансмутации, такую форму происхождения вида от вида позволяют нам принять, хотя все же только гипотетически, данные положительной науки» (Данилевский, 1885. С. 526) - так ошибочно считал один из первых антидарвинистов.

Второй спецификой биологических взглядов времен Данилевского является отсутствие представлений о популяционной концепции вида. Существовали различные термины, заменявшие понятие популяции (Дарвин, например, употреблял термин «племя»), однако, потребовалось значительное время для осмысления популяции как «элементарной единицы эволюции» (Timofeeff-Ressovsky, 1940; Тимофеев-Ресовский, 1958). Еще потребуется не меньшее время для признания популяции как «системной единицы отбора» со своими параметрами коадаптированной и интегрированной системы, в которую входят территориальная, генетическая, возрастная, половая, информационная, социальная, эпигамная, культурная структуры (Новожинов, 2009).

В одной из своих статей ученик Ф.Т. Добржанского Ричард Левонтин (Lewontin, 1970) обстоятельно рассматривает действие естественного отбора на разных уровнях организации жизни. В моей работе (1976) я попытался собрать имеющиеся в моем распоряжении сведения о действии межпопуляционного отбора, где указаны ссылки на этот вид взаимодействия популяций у животных и человека. Там же рассмотрены несколько возможных способов межпопуляционного отбора и впервые постулируется существование признаков, которые формируются и обеспечивают преимущество не отдельным генотипам, а популяции как коадаптированной и интегрированной системе особей одного вида. К ним относятся: ее генетическая структура (полиморфизм), возрастная, половая, социальная, чередование бесполого и полового размножения (метатегнез), уровень мутабельности, механизмы регуляции численности и др. О существовании таких признаков популяционного ранга мы писали в ряде последующих статей (Новожинов, 1994; 2009 и др.).

Полиморфизм – один из тех признаков, который вырабатывается популяцией как системой и служит ее адаптацией. Он создается из набора и частоты генотипов той или иной популяции. Выдающийся украинский генетик Сергей Михайлович Гершензон, который по предложению И. И. Шмальгаузена назвал полиморфизм «мобилизационным резервом внутривидовой наследственной изменчивости», вскрыл роль полиморфизма в микроэволюции (Гершензон, 1985). Его классические работы по полиморфизму хомяков (Гершензон, 1946) позволили собрать за 5 лет около 3 млн. особей на

территории свыше 500 тыс. кв. км в различных районах Украины и Башкирии и обнаружить распространение доминантных, полудоминантных и кодоминантных мутаций в разных популяциях ареала вида. Мне посчастливилось получить в свое время от него отзыв на мою докторскую диссертацию (1973 г.) по изучению полиморфизма и популяции, как элементарной хорогенетической единицы эволюции, ее изменчивости и границах. Полиморфизм я рассматриваю как один из эволюционных факторов, который накапливает изменчивость в популяции, апробирует ее и выводит на эволюционную арену (Новожинов, 1979, 2009).

Обобщив имеющийся материал по полиморфизму дрозофил, божьих коровок, хомячков и других видов, С. М. Гершензон (1985) делает открытие, которое он считает более важным для эволюции, нежели обнаружение им явления нового пути передачи генетической информации, о чем следует сказать особо.

Обычно считается, что в 1961 году в Москве на V Международном биохимическом конгрессе произошли две сенсации: доклад французов Ф. Жакоба и Ж. Моно о существовании нового класса генов, регулирующих работу хромосом у микробов, и внеочередной доклад молодых биохимиков США, неожиданно открывших первый элемент генетического кода природы – кодон УУУ (урацил), отвечающий за синтез аминокислоты фенилаланина. Казалось бы, этого вполне достаточно, чтобы обеспечить дальнейшее развитие генетики до конца XX века.

Однако на том же конгрессе была доложена еще одна сенсация такого же оригинального, революционного плана. Киевский генетик, профессор Гершензон сделал доклад о результатах опытов, из которых следовало, что молекулы ДНК могут синтезироваться не только на ДНК, но и на РНК. Это был первый результат «обратной транскрипции», позволившей генетикам произвести ревизию «центральной догмы молекулярной биологии», которая разрешала поток генетической информации только в одном направлении, от ДНК к РНК.

Когда в 1960 году С. Гершензон и И. Кох истолковали свои опыты с вирусом ядерного полиэдроза гусениц и куколок тутового шелкопряда как возможность образования ДНК на матрице РНК, и когда в 1970 году Х. Темин и Мизутани и одновременно Балтимор открыли фермент «обратную транскриптазу» (Nature, июнь, 1970) или «ревертазу», то генетикам стало понятно, как РНК-содержащие вирусы (вирус гриппа, полиомиелита, вирус СПИДа и вирусы рака – онкорнавирусы, индуцирующие появление рака у животных) переносят эту информацию с РНК на ДНК и белок хозяина. Это давало возможность открыть новый синтез гена, новый синтез белка, решать проблему рака и проблему наследования приобретенных признаков. Рухнула еще одна догма биологии XX века, и был открыт новый транссексуальный переход генетической информации, а популяция предстала как естественная самоорганизующаяся система. Жизнь приобрела в глазах грамотных биологов новую форму самоорганизующейся синергетической материи.

С.М. Гершензон установил, что адаптивные ненаследственные модификации могут возникать у мутантов под воздействием внешних факторов среды. Эти адаптивные модификации обеспечивают наиболее эффективное использование среды обитания популяцией, в которой они накапливаются. Затем, в результате замены этих ненаследственных адаптивных изменений рецессивными, доминантными, полудоминантными, кодоминантными наследственными мутантами, популяция превращается в сбалансированную систему особей. Этот процесс замены адаптивных модификаций, преимущественно доминантными мутациями был назван Дж. Симпсоном и С. Уоддингтоном «эффектом Болдуина» (Baldwin, 1896), и «органическим отбором» - самим Болдуином. Такие мутации, названные «генокопиями», вызывают «стабилизирующий отбор» И.И. Шмальгаузена (Шмальгаузен, 1946).

Если пространственная и временная мозаика условий среды, в которой обитает популяция, более или менее постоянна, то установившийся в популяции генетический полиморфизм останется сбалансированным, т.е. соотношение частот, определяющих его геном, будет лишь незначительно колебаться то в ту, то в другую сторону от своего среднего значения. Такой сбалансированный полиморфизм может существовать неопределенно долго, пишет С.М. Гершензон (1985).

Именно такой сбалансированный полиморфизм мы наблюдаем уже более 40 лет у восковика перевязанного (*Trichins fasciatus* L.), у майского хруща, у цигадки – пенницы обыкновенной, у бабочек: лесной перламутровки, краеглазки печальной, глазка цветочного и других видов; у усача изменчивого, пахиты четырехпятнистой, стенокоруса европейского, странгалии четырехполосой, странгалии кривоногой и других видов насекомых (Новоженков, 1971, 1976, 1979; Новоженков, Михайлов, 1997). Этот стабильный полиморфизм характеризует популяцию как сбалансированную систему, в которой гены приспособлены не только к среде обитания, но и друг к другу (коадаптированы) и объединены (интегрированы) в самоорганизующуюся систему особей. Такая система характерна для видов, обитающих в стабильных и устойчивых биогеоценозах биосферы (Новоженков, 1979, 2009). Концепция популяции как элементарной эволюционной единицы и как системной единицы отбора сложилась в начале XX века, и не вина биологов XIX века, что они не ведали о ней.

Николай Яковлевич до последнего года своей жизни (1885) активно занимался научными и общественными делами. 3 апреля он был командирован в Тифлис на филоксерный съезд. В сентябре он принял командировку для исследования причин сокращения рыболовства на озере Гохче. По возвращении он готовил краткий отчет, но неожиданно подвергся сильному припадку сердечной болезни и умер 7 ноября. Ему было шестьдесят три года, и у него остались жена и пятеро детей.

По личным своим качествам Данилевский представлял высокое явление, пишет его друг и соратник (Страхов, 1995). «Это был человек огромных сил, крепкий телом и душою, и при том такой ясный, чистый, чуждый зла и малейшей фальши, что не любить его было невозможно и что он не оставил после себя ни единого врага или порицателя. Его мало знали; в нем вовсе не было свойств, которыми приобретает известность. Его знали только люди лично с ним сходившиеся или специально интересовавшиеся тем, что он писал и делал. Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем неизвестным праведникам, которыми спасается наше отечество».

Однако не следует забывать, что он был биологом XIX века, когда биология занимала весьма скромное место, и до достижения уровня лидерства в естествознании ей оставался еще один век. Для развития биологического знания не было не только основополагающих концепций, но и конкретных технических возможностей. Данилевский приводит пример, как Г. Кейлер, заметив, что лососи входят в реку у Йонсеруда близ Готтенбурга, чтобы метать икру, велел выстроить себе рыбную обсерваторию над этой рекой. Она состояла из темной будки (камер-обскуры), установленной на горизонтально лежащем бревне, коего один конец был подвижно утвержден на подставке на берегу, а другой поддерживался канатом с возвышенного места. В этой темной будке Г. Кейлер мог лежать и с точностью наблюдать все, что происходит под ним в воде.

С другой стороны, не совсем понятно, почему такой проникновенный натуралист, как соавтор Дарвина Альфред Уоллес, путешествующий совместно с Генри Бейтсом несколько лет по Амазонке, а затем прошедший более 14000 миль (1 миля = 1609 м) по джунглям Малайского архипелага, напрочь отрицал идею Ч. Дарвина о половом отборе. Возвратившись в 1862 году в Англию, он привез богатейшую добычу: 125660 животных от жуков до крокодилов, от орангутанов до бабочек, от райских птиц до перламутровых улиток. Впоследствии он написал несколько знаменитых книг: «Малайский

архипелаг, страна орангутанов и райской птицы», «Географическое распространение животных», «Островная жизнь» и др., в которых отрицал половой отбор.

В письме к А. Уоллесу Дарвин писал: «Причина, заставляющая меня в настоящее время так интересоваться половым подбором, состоит в том, что я почти решился напечатать маленький опыт о происхождении человечества, и я продолжаю сильно верить (хотя мне не удалось убедить вас, и это для меня тяжкий удар), что половой подбор был главной действующей силой в образовании человеческих пород» (Из переписки..., 1908. С. 83).

Альфред Рассел Уоллес активно отвергал идею Ч. Дарвина о том, что самки выбирают самцов и тем самым формируют их физиологию, поведение и морфологию, и тем самым влияют на эволюцию. Он считал, что яркая окраска самцов и искусные песни, которые они исполняют, - следствие переполняющей их во время брачного сезона энергии. По Уоллесу естественный отбор отвечает за все, в том числе и за соперничество самцов. Саму мысль, что самки выбирают партнеров, предпочитая конкретный цвет или орнамент, он находил смешной, потому что она предполагает способность различать и выбирать, которой, по его мнению, большинство животных лишено. «Еще в семидесятых годах люди смеялись над этой идеей», - говорит Майкл Райен, эволюционный биолог из Техасского университета в Остине (Natural Geographic, октябрь 2003). В настоящее время точка зрения Дарвина о половом отборе получила подтверждение многочисленными исследованиями.

В 1999 г. в Екатеринбурге вышла книга «Таинственное либидо. Социобиологический анализ человеческой сексуальности» (Новожинов, 1999). В ней впервые показана уникальная роль сексуальности человека в происхождении культуры как главной адаптации нашего вида. Человека отличает от животного более 26 признаков полового поведения. Главное его отличие в том, что половой отбор ведет к развитию нервной системы высшего типа. Нервная система, в свою очередь, ведет к развитию особой психики человека, а психика формирует развитие культуры. Культура – это не смертная маска человеческой сексуальности, как считал Фрейд; культура – «это красота, которая спасет мир».

Столь же непонятна для любого натуралиста отрицательная идея восприятия полового отбора таким опытным зоологом, как Н.Я. Данилевский. Впрочем, и до настоящего времени большинство людей, в том числе и натуралистов, не совершенствуются в понимании этого вопроса выше представлений Фрейда (см. Новожинов, 1999).

«Из положительных наблюдений таким образом явствует, что у рыб полового отбора, по крайней мере, в большинстве случаев, не бывает, да и вообще, по образу жизни рыб, по их низкому интеллектуальному уровню, такой подбор (в тесном смысле этого слова) весьма трудно предположить. Следовательно, и те изменения в цвете, та большая яркость красок, которая замечается преимущественно у самцов во время их половой деятельности, не могут быть приписаны половому подбору, а должны быть отнесены к общему возбуждению организма в это время, т.е. к некоему общему закону, сущность которого, конечно, нам неизвестна. Но если нет полового отбора, то по смыслу Дарвинова учения ничего не остается, как принять окраску рыб преимуществом, доставляемым ею в жизненной борьбе».

И тут же на нескольких страницах сам Данилевский с изумлением описывает яркую, удивительно пеструю, восхитительную окраску: «Если страны Африки и Америки имеют своих суимончасовых, своих колибри, своих котинг и танагр, - Индийский и Антильский океаны обладают тысячами рыб, еще более блестящих, чешуя которых отражает оттенки металлов и драгоценных камней, еще усиленных более темными пятнами и полосками, распределенными с симметрией и разнообразием, одинаково изумительными».

В этом случае Бог посылает искушение истинному натуралисту, ихтиологу, в виде природной красоты, на которую он неоднократно взирал, которую ощущал, наслаждался ей вопреки тенденциозной идее, которую он внушил себе в угоду сомнительному представлению о всеобщей борьбе за существование и естественному отбору приспособленных.

Отрицая красоту в ее многочисленных формах, Данилевский неожиданно признает, что «музыка есть единственное искусство, доступное животным». Она настраивает на известный лад наши нервы, как бы возбуждает в них ритмическое движение, и приводит нашу душу в особое состояние. Она производит очевидное влияние на людей, собак, насекомых, певчих птиц и других животных.

Любой натуралист, общающийся с природой, будь то орнитолог, ихтиолог, энтомолог или этолог, не может не ощущать и не наблюдать постоянных коллизий, понижающих всю жизнь животных в борьбе за оставление наиболее приспособленного потомства. Достаточно начинающему аквариумисту завести себе парочку самцов при одной или нескольких самках бойцовых рыбок (петушков), жемчужных гурами, изумительных конго или блещущих своим золотом на спинных плавниках и изумрудом на грудных плавниках пельматохромисах-крибензисах, именуемых «попугаями», как его невозможно будет оторвать от банки с водой. Влюбленные парочки представят ему замечательные спектакли эпигамного поведения: борьбу самцов за самку, самок, интригующих самцов своей брачной окраской, строительством гнезд и убежищ для икры, спасением мальков в пасти родителей и т.д.

Одним из главных возражений против теории Дарвина вскоре после ее публикации были вопросы, касающиеся недейственности естественного отбора против признаков, не имеющих адаптивного значения.

Имеется большое число признаков у растений и животных, которые поражают подчас своей «нецелесообразностью, бесполезностью и никчемностью», - писал Данилевский. Особенно трудно бывает объяснить и понять, какие преимущества давали промежуточные, начальные стадии эволюции органа для его обладателя.

В качестве примера автор приводит пчел. Жало их служит средством защиты от многочисленных врагов, однако, в большинстве случаев, является причиной их смерти, оставаясь в ранке, из которой не может быть извлечено без вырывания части внутренности пчелы. Заметим, что это несовершенство жала здесь несколько преувеличено; пчела не может его выдернуть, только когда принуждена сделать это очень скоро. Когда ничто не принуждает ее к такой торопливости, то она может вынуть свое жало без вреда для себя, как это показывает убиение трутней рабочими пчелами, не сопровождаемое их смертью (Данилевский, 1885).

В монографии Данилевского, в главе XI, имеется довольно содержательный раздел «Признаки бесполезные или вредные, произошедшие половым отбором». «Всякое изменение от каких-нибудь причин происходит, но если результаты этой причины оказались бы для организма вредными, - то обыкновенный подбор должен их уничтожить совершенно безотносительно к тому, будет ли нам известна или неизвестна эта причина». В этом разделе автор приводит много банальных примеров, которые хорошо известны зоологам или натуралистам, и, кроме того, несколько интересных данных, вызывающих много вопросов и возражений.

К первым относится ряд видов копытных животных. Например, лось, который сбрасывает рога в декабре и январе. Вполне развитыми становятся они в июле и августе; следовательно, в более или менее больном состоянии, не в полном обладании своими силами и средствами находится животное около полугода. У северного оленя к этому присоединяется еще и то неблагоприятное обстоятельство, что рога - результат полового подбора - передались и самкам, и они, роняя рога вскоре после того, как отелятся, должны одновременно доставать молоко своим детенышам и материал для обра-

зования рогов – обстоятельство в высшей степени неблагоприятное в физиологическом отношении.

Как известно, интенсивно развивающаяся в последнее время социобиология (Alcock, 2001; Wilson, 1975, 1978) приводит достаточно доказательств, которые убедительно показали, что природа умнее нас. Вспомним Абраама Трамбле: «Когда не достает фактов в исследованиях, более подобает воздержаться от суждений, нежели высказывать мнение, которое в своей основе почти всегда предполагает, что Природа столь же ограничена, как и способности тех, кто ее наблюдает».

Таких бесполезных (а отчасти и вредных) органов, черт строения и инстинктов насчитывается, по мнению Данилевского, четыре разряда или категории. К ним автор относит прежде всего черты строения или инстинкты, происхождение коих приписывается половому подбору, и органы, вредные для своих настоящих обладателей, но полезные для совершенно чуждых им существ, способные произойти через длинный промежуток времени существования потомков.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует напомнить о том, что это возражение против теории Дарвина было одним из самых многочисленных и существенных, но по мере накопления новых данных науки оно постепенно исчезало и отвергалось, превращаясь из противоречия в доказательство дарвинизма и синтетической теории эволюции. Сейчас редко возможно найти какой-нибудь из научных или научно-популярных журналов, где бы отсутствовал раздел «новости науки». В качестве примера рекомендую статью доктора биол. наук В.Р. Протасова (1973). К настоящему времени накопилось множество не только статей, но и монографий на эту тему (Лаздин, Протасов, 1977).

Знания об окружающем нас мире накапливались человечеством с древних времен. Еще Аристотель сообщал об обитающем у берегов Средиземного моря таинственном скате (Torpedo), который заставляет цепенеть животных с помощью какой-то внутренней силы. Александр Гумбольдт (1963) рассказывал, как туземцы при переходе реки вброд гонят скот перед собой, заставляя угрей разряжаться о ноги этих животных. Дюбуа-Реймон и М. Фарадей изучали поведение электрических сомов и скатов. Изучение электрических явлений в живых тканях, начатое в 1791 году А. Гальвани и А. Вольтом, открыли в физике эру электричества. Клеточные мембраны, сортируя заряженные частицы на положительные и отрицательные ионы, выполняют роль своеобразного «демона Максвелла». Разряд электричества, который используется электрическим угрем для поражения добычи, зажигает более 200 неоновых ламп. Длина угря в Амазонке достигает 3 метров. Как выяснил известный нейрокибернетик Г. Уолтер (1970), несколько сот видов рыб генерируют токи, намного превышающие их экологические потребности. Разряд одного из видов рыб генерирует ток напряжением 600 В, что позволяет убить человека или животное. Для примера, мозг человека для всей своей сложной деятельности нуждается в генерации лишь одной десятой вольта.

Долгое время считалось, что некоторые «слабоэлектрические» рыбы излучают относительно слабые сигналы, и назначение их оставалось непонятным. Однако в 1953 году английский исследователь Г. Лисман, используя новейшую электронную технику, установил, что применяемые животными электрические поля имеют разнообразное назначение. Способностью ориентироваться в слабых электрических полях обладают многие организмы, обитающие в воде – среде, имеющей сравнительно высокую электропроводность. Ею обладают простейшие, моллюски, ракообразные, черви, и особого совершенства в этом отношении достигли рыбы. Известно, что органами боковой линии рыб управляют мозжечок и продолговатый мозг. Относительная величина мозжечка у некоторых, даже слабоэлектрических рыб больше, чем у любых других позвоночных животных.

В настоящее время накоплено столько информации об электрических рецепторах рыб и способах их использования животными, что мы можем себе позволить лишь перечисление некоторых из них. Автору, перед глазами которого постоянно и ежедневно, на протяжении 60 лет проплывают самые разнообразные экзотические виды рыб, многие из которых ему удалось разводить на Урале (в условиях жесткой воды) впервые, без наличия искусственных кормов и соответствующих условий, есть, что сказать, но предоставим слово не аквариумистам, а специалистам этологам, гидробионикам, электрофизиологам, биоакустикам и прочим ихтиологам.

Многие виды рыб оказались единственными животными, обладающими способностью воспринимать и анализировать окружающий мир с помощью электрической чувствительности. Использование некоторыми рыбами своих мощных полей в нападениях и обороне известно давно. Сильные электрические поля создают электрический угорь, электрические скаты, электрический сом и американские звездочеты. Взрослые угри, достигающие длины одного метра, создают поле, простирающееся в длину примерно на 5 метров.

Менее сильные электрические поля создают электрические сомы, обитающие в тропических и субтропических водоемах Африки. Напряжение поля вблизи рыбы достигает 350 В, мощностью до 30 Вт. В зоне действия своего поля, на расстоянии 20-40 см от рта, сом способен вызывать у своих жертв анодную реакцию, позволяющую хищникам привлекать жертву, самопроизвольно плывущую к нему на обед.

У американских угрей гимнотов, у африканских электрических сомов, у электрических скатов (*Torpedo*) разряды постоянного тока напряжением 100, 200, 650 вольт и силой тока 2 ампера, т.е. мощностью 1000 Вт, используются для самообороны.

Каждый разряд порождает в воде вокруг рыб характерное электрическое поле. Электрические сигналы делят на опознавательные, пищевые, групповые, межполовые, территориальные, стайные, навигационные и т.п. Помимо этого, с помощью электричества рыбы обогащают застойные водоемы кислородом, что привлекает в них других обитателей.

В природе или в аквариумах каждый вид или особь имеют свою территорию, с которой собирают необходимый корм. Сейчас у меня в аквариуме обитают два интересных вида, которые при кормежке не столько заботятся о получении корма, сколько о своей территории. Один из них – это *Gyrinocheilus* (Гиринохейлюс) с яркой полосой из червонного золота на черном фоне вдоль всего тела, занимает левую часть 300 литрового аквариума и гонит прочь всех других обитателей водоема. Он помогает мне очищать растения от водорослей и грязи, постоянно ползая по дну или на листьях, собирая корм с растений и стекол. Родина его – далекий Тайланд.

Другой вид – Лабео эритрурус – темного цвета с красными плавниками, по размеру сходный с гиринохейлюсом (10 см), занял правую часть аквариума, где подчас прячется среди черных коряг. При кормежке рыб он выскакивает из своего укрытия и разгоняет всю мелочь, не оставляя в покое даже самцов Конго-залмлер и особенно гиринохейлюса.

Для опытных аквариумистов территориальность рыб в наиболее яркой форме могла бы быть представлена на примере семейства цихлид (*Cichlidue*), которые не только строят индивидуальные убежища, как, например, пельматохромис крибензис (рыба-попугай) или хромис-красавец, откладывая икру в цветочных горшках, принимаемых ими за пещеры, но и проявляют трогательную заботу о каждой икринке или мальке, сохраняемых родителями в пасти от хищников. Однако, это отвлекло бы нас в другую стезю дарвинизма, нежели загадочная электрическая активность рыб.

Что же касается вышеописанной деятельности рыб, то у них межполовые опознавательные сигналы достаточно изучены у ряда видов. Например, черноморский звездочет в период размножения генерирует характерные разряды, напряжение и дли-

тельность их увеличиваются у самок по мере созревания гонад, достигая максимума в последних стадиях зрелости, тогда как у самцов напряжение разрядов в это время становится минимальным, а длительность – максимальной. Еще более четко различаются межполовые опознавательные сигналы у шиповатого ската: у самок их напряжение максимально весной и летом (в период нереста), а у самцов – летом и осенью. При этом характер разрядов у самок и самцов меняется по мере полового созревания рыб (Лаздин, Протасов, 1977).

Групповые сигналы рыб носят как эпигамный, так и миграционный характер. Особый интерес вызывают сигналы монолитности и целостности стаи рыб, особенно при очень быстрых поворотах. Это удивительное явление нельзя объяснить звуковой сигнализацией, так как сигналов такого типа у стайных рыб нет. При этом опыты показали, что с увеличением количества рыб в стае амплитуда разрядов возрастала. В опытах на молоди угря, по мере увеличения количества рыб от 1 до 80 особей, амплитуда электрических разрядов возрастала в 14 раз. Эти данные послужили основанием для гипотезы об использовании рыбами биоэлектрического поля стаи в целях ориентации. Величина напряженности поля стаи несет рыбам информацию о количестве составляющих ее особей, что влияет на электролокацию, а также ориентацию в пространстве благодаря изменениям параметров поля при его взаимодействии с магнитным полем Земли (Лаздин, Протасов, 1977).

Таким образом, исследования показали, что в загадочном мире рыб имеются многие приспособления, вызванные отбором, которые способствуют выработке ими разнообразных адаптаций, необходимых для выживания и размножения. Во времена Данилевского о многих из них биологи и не могли даже предполагать.

Как ученик и последователь К.М. Бэра, Н.Я. Данилевский не мог в итоге своей общественно-политической деятельности не выступить против ненавистной ему селекционистской концепции Ч. Дарвина. Мы намеренно подчеркиваем – не научно-биологической, а социально-общественной гипотезы создателя дарвинизма.

В своем обширном труде «Дарвинизм» (1885-1889) объемом более 1200 страниц Данилевский попытался суммировать все возражения, высказанные дарвинизму за 25 лет его существования. К сожалению, преждевременная смерть не позволила ему выполнить обещание и изложить собственные взгляды во втором томе задуманного критического исследования, тем более, что второй том содержал некоторые подготовительные материалы по проблеме происхождения человека.

В капитальной и обстоятельной книге Э.И. Колчинский (2002) призывает к спокойному анализу этой работы Данилевского с позиций сегодняшнего дня. Однако, этот анализ могут сделать лишь профессиональные историки биологии, учитывая, что со времени написания незавершенного труда Данилевского прошло 125 лет – целый этап развития биологической науки, которая не топталась на месте. Следует отметить, что изучение монографии Данилевского осложняется стилем изложения, который в настоящее время совершенно устарел для науки своим обилием сомнений, предположений и всяческих условностей. История не знает сослагательного наклонения, а наука строится на фактах, а не на догадках и домыслах.

В заключительной главе XIV, в разделе «Внутренние причины ошибок Дарвина и необычайной популярности его учения» Н. Данилевский пишет: «У Дарвина были к тому же особенные специальные причины к ослеплению. Теория его есть учение чисто английское, включающее в себя не только все особенности направления английского ума, но и все свойства английского духа. Практическая польза и состязательная борьба, вот две черты не только, в значительной мере, дающие направление английской жизни, но и английской науке. На полезности, утилитарности основана Бентамова этика, да в сущности и Спенсера также; на войне против всех, настоящей борьбе за существование – Гоббесова теория политики; на состязании или соперничестве – экономическая

теория Адама Смита, да и вся по преимуществу английская наука политической экономии. Мальтус применил тот же принцип к задаче народонаселения. Даже сама философия Бэкона есть чисто утилитарная, как это очень хорошо разъяснено в этюде Маколея о Бэконе. Дарвин распространил и частную теорию Мальтуса, и общую теорию политико-экономов на органический мир» (Данилевский, 1885). Эту мысль автор высказал еще 15 лет тому назад в другом своем сочинении «Россия и Европа», а сейчас подтверждает ее ссылкой на английского ученого Альфреда Уоллеса.

Для обзора философских или метафизических представлений выдающихся русских противников учения Ч. Дарвина мы не случайно выбрали Н.Я. Данилевского. Именно он, как нам представляется, одним из первых заложил основы монистического взгляда на явления природы, которые объясняют существование единства законов, формирующих мироздание. Изначальная целесообразность, существовавшая уже на ранних стадиях биопоза, привела к общим законам развития. Законы биологической эволюции строятся на всеобщих законах физико-химического свойства материи. Нет никаких специфических биологических законов. Естественный отбор только ограничивает сферу этих законов. Целесообразность и гармония органического мира не могли произойти путем подбора, уже по одному и тому же, что всякое индивидуальное изменение должно исчезнуть через скрещивание.

Чтобы продемонстрировать кратко сформулированные выше эволюционно-номогенетические воззрения Данилевского, мы приводим несколько цитат из его антидарвиновской концепции.

Еще Аристотель формулирует, ссылаясь на соображения Эмпедокла, суждение о роли случайности. Дождь есть физическое явление, подчиняющееся известной необходимости. Дождь вовсе не идет с целью, чтобы вырастить хлеб. Польза же и вред получаются как побочный результат. Те органы и организмы, у которых все случайно оказалось целесообразным, выжили, а прочие погибли, как неприспособленные. Прочитавши это место у Аристотеля, нельзя не воскликнуть: Ничто не ново под луной! Возможность дарвиновского объяснения эволюции путем естественного отбора была совершенно очевидна уже свыше тысячи лет тому назад. Любопытно сопоставить соображения Аристотеля с тем, что говорит Геккель в своей *Natürliche Schöpfungsgeschichte* (1879): «Естественный отбор, действуя по всем направлениям бессистемно, только после многих тщетных попыток он, наконец, попутно и случайно производит целесообразное».

Однако, согласно Аристотелю, «есть цель в вещах, которые существуют и производятся природой». Раз явления не случайны, следовательно, они необходимы.

«Выражение – закон природы очевидно метафизического происхождения; что под ним разумеют, прекрасно выражено в недавно прочитанных мною двух стихах», – пишет Данилевский (1885):

*«Раб слепой слепых законов
Мчится поезд в тьме ночной»*

А.А. Голенищев-Кутузов

В качестве панацеи Данилевский предлагает концепцию Кёлликера (Kölliker A., 1864), предложившего теорию происхождения органических существ пермутацией или трансформацией по внутреннему закону развития. «Чтобы пресечь всякие недоразумения, я выставляю на вид (*hebe in hervor*), что для меня органические образования совершенно подлежат тем же законам, как и неорганическая природа, и что поэтому мое основное воззрение одинаково с воззрением значительного большинства новейших естествоиспытателей, которое признает и Э. Геккель (видно нормальный образец, *standart* для сравнения) под именем механического или монистического». То, что я называю законами в органической природе, есть, таким образом, не что иное, как то,

что «обозначает этим именем физик, химик, астроном, и под общим законом развития органической природы понимаю я не иное что, как и минералог, когда он говорит о законах образования кристаллов, или астроном о законе тяготения и о законе развития небесных тел». Далее идет ссылка на то, что и на Марсе, как и на Земле действуют те же законы, которые привели к постижению Дарвинова учения, «если бы оно не противоречило самому себе и не приводило бы к абсурду». Вот та основа, на которой строится номогенез, развитый далее в трудах Л.С. Берга и его последователей.

2. Данилевский о происхождении человека

*Едва ли люди у Дарвина слишком звероподобны,
у него скорей звери слишком уж человечны.*

Уильям Ирвин

Второй том капитального произведения Н.Я. Данилевского «Дарвинизм» должен был содержать целый ряд глав под общим названием «Происхождение человека». Здесь мы предлагаем читателям ту главу, над которой он работал всю свою жизнь, но так и не успел завершить, как пишет Н. Страхов в «Предисловии» к книге Данилевского. В 1870 году Дарвин почти не отрываясь работал над «Происхождением человека». Книга пухла и разрасталась, и лишь усековением «Выражения эмоций» ее удалось спасти от печальной судьбы нескончаемых «Изменений растений и животных», как отмечает Уильям Ирвин (1973).

Для критического исследования второго выдающегося открытия Ч. Дарвина Данилевский не случайно избрал его сочинение «О выражении ощущений у человека и животных». Дарвин отмечает, что третье издание сэра Ч. Белля, вышедшее в 1844 году под названием «Анатомия и философия выражения», произвело на него глубокое впечатление, как стройное здание, явившееся началом целой отрасли науки, пролившей новый свет на происхождение человека. В настоящее время эту новую дисциплину называют «эволюционной психологией» и пророчат ей большое будущее (Марков, 2011). Однако, у современников Данилевского оно вызывало неодобрительное отношение.

«Впоследствии, когда буду говорить о происхождении человека, мы увидим, насколько учение Дарвина соответствует нашим нравственным требованиям, насколько оно может служить основанием человеческой нравственности. Но теперь же считаю должным и возможным выразить свое убеждение, что из всех мировоззрений Дарвинов взгляд на природу есть наименее эстетический. Строго проведенное механическое мировоззрение (конечно, если бы оно было возможно) представляется нам величаво-бесстрастным, обладающим грозным величием, перед которым нам остается только преклониться, как перед древним фатумом. По учению пантеистов мы связаны с миром сочувственной связью, мы одушевлены тем же духом, который животворит и всю природу, и в нас достигает сознания самого себя; законы нашей логики суть те же самые, по которым создавался и развивался мир». Это глубоко трагическое высказывание Данилевского пронизано неизбежностью рокового фатализма, которому со времен происхождения человечества подчиняется весь мир, хотя фея Моргана (*fata Morgana*) неизбежно облазняет его призрачными видениями.

«Никакая форма грубейшего материализма не спускалась до такого низменного мирозерцания; по крайней мере, ни у одной не хватило на это последовательности» (Данилевский, 1885. С. 526). Однако Дарвин нашел в себе силы нарушить эту заповедь, чтобы показать людям, к чему не следует стремиться вопреки человеческой природе.

Следует заметить, что Ч. Дарвин, прежде чем приступить к написанию всех своих сочинений, собирал достаточно большой материал. Это касалось всех его книг от происхождения вулканических островов и «Усоногих раков» до «Насекомоядных рас-

тений» и «Оплодотворения орхидей», не говоря уж о главных произведениях, сделавших его имя известным всему миру. Не случайно, один из его сыновей с удивлением спрашивал у отца при посещении одного его знакомого натуралиста: «А где же он разделывает раков?», считая, что это должен делать каждый ученый.

«Насекомоядные растения» появились в 1875 году, т.е. 16 лет спустя после моего первого наблюдения», - признается Дарвин. «С сентября 1854 г. я посвящал уже все свое время приведению в порядок чудовищной кучи накопившихся у меня заметок и новым наблюдениям и опытам по вопросу о превращении видов», - пишет он в «Автобиографии». «Это промедление, как и с другими моими книгами, было мне крайне полезно, потому что после такого долгого промежутка времени человек относится к своему труду так же критически, как бы он принадлежал совершенно иному лицу». «Прежде чем приниматься за какой-нибудь предмет, я просматриваю все краткие указатели и составляю из них один общий систематический указатель, а взяв одну или несколько соответственных папок, имею в готовом виде сведения, собранные мною за всю свою жизнь».

«Моя книга “Выражение ощущений у человека и животных” была издана осенью 1872 года. В начале я думал посвятить этому предмету только одну главу в «Происхождении человека», но как только я начал приводить в порядок свои заметки, я убедился, что потребуется специальное исследование». «Первый мой ребенок родился 27 декабря 1839 года, и я немедленно начал делать заметки о первоначальном проявлении выражения различных чувств, потому что уже тогда был уверен, что самые сложные и тонкие оттенки выражения должны были иметь первостепенное естественное начало». «Летом, в следующем 1840 году, я прочел замечательное исследование сэра Ч. Белля о выражении чувств и с той поры я от времени до времени возвращался к этому вопросу как в применении к человеку, так и в применении к нашим домашним животным. Книга разошлась очень скоро; 5267 экземпляров были распроданы в первый же день», - пишет Ч. Дарвин (1907).

Во введении к этому сочинению автор (Дарвин, 1907) приводит большой список использованной им литературы, в котором ссылается не только на известных физиогномистов, но и на знаменитых эволюционистов: Герберта Спенсера, Аза Грея, И. Петера Мюллера, Э. Б. Тайлора и др. Дарвин приводит также большой список респондентов, которые по его просьбе собирали ему материал, а также выражает благодарности художникам, фотографам, артистам, которые помогали ему в создании книги. Одним словом, Дарвина никак нельзя обвинить в поспешности написания всех его книг, в сборе интересующего его материала и в обдумывании его основных идей. Дарвин объясняет с большей или меньшей точностью от 30 до 40 экспрессий разных чувствований и ощущений, отмечает Данилевский.

Весь представленный в книге разбор мнения Дарвина о рефlekсах, как одном из объяснительных начал экспрессий, ведет, как считает Данилевский, «к тому заключению, что все эти рефlekсы принадлежат к категории первобытных, так называемых естественных, составляющих результат всего строения животного и человека, и преимущественно его нервной системы, и зависят от наследственности лишь в той мере, в какой все строение передается наследственно от предков к потомкам».

Таким образом, насколько Дарвин старается умалить значение этого объяснительного начала, т.е. непосредственного нервного влияния, и усилить значение двух первых (привычки и наследственности), «настолько труд его должен быть признан неудачным, при всех прочих его достоинствах», считает Данилевский.

«Разные впечатления производят известные действия на организм, выражаясь, между прочим, и в экспрессивных движениях. Эти впечатления действуют теперь точно так же, как действовали и прежде, и нам нет ни малейшей надобности прибегать к помощи наследственно переданной привычки, необходимость которой Дарвину не уда-

лось показать ни в одном случае, так что если не совершенно все, то подавляющее большинство экспрессивных движений тела или жестов, должно быть отнесено из всех его трех объяснительных принципов, именно к третьей причине, к которой прибегали лучшие из его предшественников».

Из огромного материала, рассмотренного Ч. Дарвином в книге «О выражении ощущений у человека и животных», натуралист делает весьма скромный вывод: «Мы видели, что изучение теории выражения в некоторой ограниченной мере подтверждает заключение, что человек происходит от какой-либо низшей животной формы, и это изучение поддерживает веру в видовое или подвидовое единство различных рас; но насколько я могу судить, такого подтверждения почти не было нужно. Мы видели также, что выражение само по себе, или язык эмоций, как его иногда называли, без сомнения важно для благополучия человечества». И далее Дарвин лишь выражает пожелание дальнейшего «внимания к философии этого вопроса со стороны какого-либо даровитого физиолога». Вот такая скромная компенсация за столь капитальный труд.

При этом Дарвин даже не решается обратиться к подбору, который тут до того невероятен, что он «ничего не прибавит к объяснению, которое нам дает простое рефлективное действие, т.е. непосредственное нервное влияние», - как пытается доказать Данилевский.

В итоге мы убеждаемся, что все эволюционно значимые труды Дарвина подвергались сомнению, критике, недоверию и осмеянию со стороны его многочисленных противников и недоброжелателей. Это позволяет нам отдать долг его упорству в защите истины, которую он отстаивал для торжества науки, находясь в изоляции и подчас в одиночестве в своем благословенном Дауне.

«Из всех мировоззрений дарвинов взгляд на природу есть наименее эстетический», - пишет Н.Я. Данилевский. «Каким жалким, мизерным представляется нам мир, и мы сами, в коих вся стройность, вся гармония, весь порядок, вся разумность являются лишь частным случаем бессмысленного и нелепого; вся красота – случайною частностью безобразия; всякое добро – прямою непоследовательностью во всеобщей борьбе, а космос – только случайным, частным исключением из бродящего хаоса. Подбор – это печать бессмысленности и абсурда, напечатленная на челе мироздания, ибо это замена разума случайностью». Дарвин пытался устранить разумность из мироздания, а если устраняется разумность, то, конечно, и сам разум, как божественный, так и наш, человеческий, - считал Данилевский.

Однако, управляемая эволюция – как ее конечный этап на планете Земля, не может существовать без разума. Ибо еще прозорливейший из всех ученых Земли Владимир Иванович Вернадский предсказал (Новоженков, 2013), что эволюция, возникнув на нашей планете, привела к появлению человека с его разумом и вступила в фазу ноогенеза. В лице человека эволюция осознала себя и далее не может существовать в неуправляемой форме. Неуправляемая форма – это путь случайного отбора, а не путь управляемой человеком ноосферы.

XIX век в первые свои десятилетия представлял изумительно высокий подъем мысли, науки и поэзии, но к середине века приобрели силу учения теоретического и практического материализма. Тогда из Англии, классической страны скептицизма и утилитаризма стали распространяться низменные понятия в направлениях умственного мира Европы. «Но ни одно из учений не было встречено с таким восторгом, как теория Дарвина, потому что она распутывала самый трудный узел, разрушала ту загадку, которая не поддавалась низменным понятиям и стояла перед умами огромным сфинксом», как пишет Н. Страхов (1995).

Самого Дарвина в этом можно меньше всего винить. Данилевский, указывая на чисто английские свойства его теории, отдает, однако же, всю справедливость ее творцу. Он признает за ним «обширный и светлый ум», называет его «тонким наблюдате-

лем, искусным экспериментатором, остроумным комбинатором» (часть II, с. 477), удивляется его громадной эрудиции и самую теорию считает «великим произведением человеческого ума» (часть I, с. 24). Наконец, он говорит: «Кто прочел и изучил сочинение Дарвина, тот может усомниться в чем угодно, только не в его глубочайшей искренности и не в возвышенном благородстве его души» (часть I, с. 11).

3. Данилевский – предтеча социобиологии

Из двух капитальных книг, написанных Н. Я. Данилевским, первая «Россия и Европа» пользуется приоритетным преимуществом. Если его вторую книгу «Дарвинизм» едва ли кто-либо читал после ее выхода в 1885 году, то впоследствии о ней вообще забыли, и она хранится в отделах редкой книги далеко не во всех университетах и книгохранилищах, вызывая лишь редкий интерес библиофилов.

Что касается его первой книги, то она породила острейшую полемику и подчас острую критику за панславизм и «литературный курьез» (В.С. Соловьев, В.В. Розанов). Но в настоящее время она переживает второе рождение как эволюционное направление, предвосхитившее многие формы социологического и культурологического анализа XX-XXI веков. Как писал известный историк К. Бестужев-Рюмин (1995) в своей рецензии в мае 1888 года, книга эта при каждом ее перечитывании открывает все новые стороны и требует такого читателя, о котором мечтал Гете, - «читателя, способного забыть себя, и автора, и весь мир, и жить только в книге, по крайней мере, на время ее изучения».

Одна из существенных особенностей, справедливо отмеченная рецензентом: «Развитие европейских народов основывается на начале личности, русское – на начале общенародном. Начало личности ведет к борьбе, заканчивающейся договорами; начало общенародное ведет за собою доверие. Борьба характеризуется жестокостью в защите своего права; начало общенародное требует большей мягкости, характеризуется благостью». Самое удивительное, что едва ли кто-нибудь, изучив книгу Данилевского, осознал, что он держал в руках труд первого русского социолога и биолога, где заложены основы социобиологического постижения истории.

В данной работе мы отнюдь не намеревались излагать вклад Данилевского в развитие русской социобиологии или социобиологической и экологической геополитики, но тем не менее время вынуждает нас сказать несколько слов по этому поводу, тем более, что отчасти мы уже упоминали об этом в нашей книге, вышедшей ничтожным тиражом (200 экз.) в Казахстане (Новожинов, Табулдин, 2012). Кроме того, знакомство с первой книгой Данилевского дает возможность понять мотивы написания второй его монографии.

История – это социобиологическая эволюция человека на современном этапе нашего филума. Эволюция есть качественное состояние любого вида, обитающего на нашей планете, в том числе и человека. Лишившись этого качественного состояния, человек обречен на вымирание. Началом этой эволюции является возникновение на планете Земля новой биологической адаптации с негенетическим способом наследования, именуемой культурой. Эта уникальная адаптация принадлежит одному виду – человеку разумному. До появления человека все биологические виды приспособлялись к условиям своего существования с помощью генов. С появлением первых гоминид стали возникать первые элементы материальной и духовной культуры, которые постепенно начали заменять биологические адаптации. Формировался первый этап соперничества популяций, обладающих не только лучшими генами, но и наиболее адаптивной культурой.

Однако культура, в отличие от генов, является сугубо популяционным признаком или параметром. Она создается популяцией, сохраняется популяцией и передается

из поколения в поколение путем коллективного обучения в популяции. Коллективное обучение – еще одно новое уникальное приспособление, характерное только для человека и отсутствующее у всех животных. Только у людей, благодаря второй сигнальной системе, появились «символы идей», как писал дед великого натуралиста Эразм Дарвин, то есть возникла членораздельная речь. То есть появилось слово – социальная или символическая наследственность. Люди сигнализируют друг другу не как животные с помощью звуков, запахов, окраски, типов поведения и т.п., а путем слов, идей и предложений. Так, с помощью слова у людей появилась культура, передающаяся посредством коллективного обучения в детских садах, школах, техникумах, колледжах и вузах от одного поколения другому. Так люди с помощью слова превратили свою историю в записанную эволюцию популяций, что помогает им объединяться в конкуренции с другими племенами, народами и нациями, обладающими другой культурой. Данилевский первым понял, что не наследственные задатки, а культура создает определенные культурно-исторические типы цивилизации, которые формируют череду сменяющих друг друга эволюционных структур и социальных формаций.

В своей фундаментальной монографии Е. Вильсон (Wilson, 1975) писал: «Гены держат культуру на привязи». Истинный, а не «публичный» создатель социобиологии Ф.Г. Добржанский (Dobzhansky, 1962) показал, что на современном этапе эволюции человека культура держит на привязи гены. Эта главная монография Добржанского об эволюции человечества явилась фундаментальной основой появления новой науки – социобиологии (Новожинов, 2009).

В настоящее время роль главного фактора в эволюции человека переходит от естественного отбора к культуре (Новожинов, 2005, 2008, 2009). Каждый вид, обитающий на Земле, имеет генетическую наследственность, передающуюся из поколения в поколение с помощью генов. Лишь один вид имеет две наследственности – генетическую и социальную. Этот вид – человек. Его мозг, обладающий второй сигнальной системой, способен воспринимать символы – слова, понятия, абстракции и идеи, с помощью которых он живет, которым поклоняется, которым молится, за которые готов отдать жизнь и душу.

Еще в XVI веке иезуиты в своих коллегиях разработали специальную систему воспитания, которая позволяла им с детского возраста создавать фанатично преданных сторонников своего ордена.

За одно поколение Сталин с помощью коллективного обучения и массовой социалистической культуры создал идеологию советских людей, которые победили фашизм во всем мире и построили социализм в большей его части.

За одно поколение американцы с «демократами», используя все формы коллективного обучения и массовую антирусскую пропаганду, создали на Украине неофашизм и национализм, который угрожает существованию этой страны. Страны, которая в свое время победила нацизм и уничтожила память о нем, хотя сохранила национализм.

В конце XIX – начале XX века в философии истории возникает и завоевывает умы выдающихся мыслителей гипотеза о циклическом характере развития цивилизации. Согласно ей, большинство культур испытывают замкнутый цикл стадийного развития, проходящий три неизбежные стадии: юности, зрелости, старости и вечного возвращения к исходному состоянию в процессах космического круговорота. Эту идею в разной степени разделяли К.Н. Леонтьев, Ф. Ницше, О. Шпенглер, А. Тойнби и другие теоретики историософии. В России она в оформленном виде сложилась в работе Данилевского «Россия и Европа» и далее продолжилась в теории пассионарности Л.Н. Гумилева и его последователей.

Данилевский, как сторонник телеологического сальтационизма и отрицания дарвиновского селектогенеза, проводил прямые аналогии между явлениями природы и

общества. В итоге он искал эмпирические подтверждения постулируемых им законов развития цивилизационных типов, как целостных, замкнутых и автономных систем, проходящих в своем развитии определенные стадии. Таковы выделенные им культурно-исторические типы: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирио-вавилонский, или древне-семитский; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитский, или арабийский и 10) романо-германский, или европейский.

Николай Яковлевич Данилевский гораздо раньше и более обстоятельно рассмотрел специфику социобиологической особенности разных народов – «носить на себе печать национальности» в создании своей культурно-исторической жизни. Большинство социологов (История социологии..., 1993) считают концепцию Данилевского о культурно-исторических типах и его вывод об исключительно национальном характере общественности – основополагающими. Соответственно, культура есть объективация национального характера, т.е. психических особенностей этноса, задающих видение мира. Подчеркивая полиморфизм культур, Данилевский считал, что общечеловеческого в реальности вообще нет, это «слишком тощая абстракция», которая становится уже беднее национального, включающего в себя все богатство самобытного. Желать общечеловеческого – значит стремиться к бесцветности, неполноте и отсутствию оригинальности. При этом от общечеловеческого нужно отличать всечеловеческое, которое и состоит в совокупности всего народного.

Данилевский был предтечей национального характера общественности и основоположником социобиологического изучения человека и его культуры. Для того, чтобы понять всю многообразную суть его воззрений, потребуются еще многие годы изучения его творчества многими социологами, политологами, историками, философами, социобиологами и другими исследователями.

Н.Я. Данилевский приводит прекрасные примеры того, как отдельные личности, чувствующие склонность к математике, к естествознанию, к филологии, к истории и наукам общественным, так точно есть и народы – по преимуществу математики, по преимуществу филологии и т.д. Например, по любви, а следовательно, и по способности к чистой и прикладной математике первое место принадлежит, без сомнения, французам, среди которых автор приводит 12 выдающихся имен, тогда как у немцев известно не более трех-четырех, а именно: Лейбниц, Эйлер, Гаусс.

Еще более выразительный пример с англичанами. В середине XVII века англичанин Гоббс создает политическую теорию образования человеческих обществ на началах всеобщей борьбы, на войне всех против всех (*bellum omnium contra omnes*).

В конце XVIII века шотландец Адам Смит создает экономическую теорию свободного соперничества – как между производителями и потребителями, так и между производителями – теорию непрестанной борьбы и соперничества, которые должны иметь своим результатом экономическую гармонию.

«Наконец, на наших глазах англичанин Дарвин придумывает в области физиологии теорию борьбы за существование (*struggle for existence*), которая должна объяснить происхождение видов животных и растений, «производить биологическую гармонию», – считает Данилевский (1995). По его мнению «все эти три теории односторонни и носят на себе тот же характер преувеличения, как преувеличена общая их основа в английском народном характере».

«Я думаю, со мной охотно согласятся, что существенную, преобладающую черту в английском национальном характере составляет любовь к самостоятельности, ко всеобщему развитию личности, индивидуальности, которая проявляется в борьбе со всеми препятствиями, противопоставляемыми как внешней природою, так и другими людьми», – писал Н.Я. Данилевский (1995). «Борьба, свободное соперничество есть жизнь англичанина», – считает он. «Начиная со школы, англичанин ведет эту борьбу. Он бежит, плавает, катается на лодках взапуски, боксирует один на один – не массами,

как любят драться на кулачки наши русские, которых и победа в народной забаве радуется только тогда, когда добыта общими дружными усилиями. Всякую забаву англичане приправляют посредством пари, которое есть форма борьбы мнений. У англичан есть клуб «лазальщиков» по горам, не с ученою целью исследований, а так между прочим, для доставления себе удовольствия и состязания с другими». Итак, борьба и соперничество составляют основу английского национального характера. Эту особенность у людей, особенно у мужчин, мы назвали «страус-сексом» и рассмотрели роль этой специфики поведения человека в создании его культуры (Новожинов, 2007).

В отличие от Достоевского, Данилевский исключает из своей концепции славянофильскую идею русского, славянского мессианства. Вместе с тем, он считает, что славянский тип является первым четырехосновным культурно-историческим типом, объединяющим в себе все основные стороны человеческой деятельности: религиозную, культурно-эстетическую, политическую и общественно-экономическую (Данилевский, 1995).

Общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать его нет смысла, так как это приведет к бесцветности, отсутствию оригинальности, считал Данилевский. Как бы мы сейчас сказали, это приведет к энтропии мира, к отсутствию различий и, следовательно, к отсутствию эволюции, ибо только изменчивость и полиморфизм служат основой отбора.

Иное дело – всечеловеческое, которое надо отличать от общечеловеческого, оно, без сомнения, выше всякого отдельно-человеческого, или народного (Данилевский, 1995). Всечеловеческое начало, объединяющее все человечество, В.И. Вернадский провозгласил как эру ноогенеза, когда все человечество поставит себе задачу управления своим эволюционным процессом.

Н.Я. Данилевский, подобно А.С. Хомякову, И.В. Киреевскому, К.С. Аксакову, относился к классикам-славянофилам и ему принадлежит идея: Бог пожелал создать красоту духа и создал Славянский культурно-исторический тип.

На Русской земле пробивается новый ключ: справедливо обеспечивающий народные массы общественно-экономическим устройством. «На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоем». Общечеловеческий гений не тот, кто выражает в какой-либо сфере деятельности одно общечеловеческое, а тот, кто выражая вполне сверхобщечеловеческое, присоединяет к этому некоторые черты и стороны, свойственные другим национальностям, - рассуждает Данилевский.

Весьма оригинальны и актуальны до нашего времени высказывания Данилевского относительно польского ренегатства.

Польская черта в общем славянском характере представляется нам чем-то искажающим его и потому ненавистным, писал Данилевский. «Оно не в польском народе, не в специальных польских качествах ума, чувства и воли, в которых мы найдем много драгоценного, много сочувственного; укажем в этом отношении на трех поляков – представителей этих трех сторон человеческого духа: Коперника, Мицкевича и Костюшко. Искажение это заключается в так называемой польской интеллигенции и именно в трех сторонах ее: католическо-ксендзовской, аристократически-шляхетской и демократически-революционной. Оно заключается в «коренном искажении, обезображении польско-славянской натуры чуждыми ей европейскими влияниями – подражательным европейничаньем». Явления европейской жизни, пересаженные на чужую, несвойственную им почву, обращаются в уродство. Так аристократизм, произведший в Европе рыцарство, в Польше этот же аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшее – в быдло.

После Великой Отечественной войны в нашей стране, которая взяла на себя миссию построения социалистического лагеря мира, во всех высших учебных заведе-

ниях завелось много иностранцев, которые не только учились у нас, но и распространяли влияние своего культурно-исторического типа. Некоторые из них распространяли не только свой тип, но и предлагали чужой, позаимствованный из довлеющего Запада. Особенно этим отличались поляки, идеалом для которых была отнюдь не Россия. Коснемся нескольких житейских наблюдений, хотя дело не в них. Социобиология имеет более серьезные аргументы, которые у нас нет возможности сейчас обсудить.

Будучи аспирантом Зоологического института в Ленинграде, я как-то заприметил одного интересного молодого человека, которого вскоре встретил в кафе в начале Невского проспекта. Испытывая жажду общения в условиях нелюдимого и пустынного ЗИНа, где запрещалось даже разговаривать в полный голос, я подсел к этому человеку, который меня ранее не замечал, и решил познакомиться с ним в непринужденной обстановке. Естественно, меня заинтересовала его профессия, ибо я подразумевал, что он тоже аспирант ЗИНа, возможно, из западников. Каково же было мое удивление его нравоучениям, которые он мне прочитал. Суть его заключалась в том, что все русские при первой встрече интересуются прежде всего профессией, а не чем-то иным. Тут он привел мне пример, что уже более двух лет встречается с девушкой и не интересуется, чем она занимается и где работает. После такой отповеди, я потерял не только интерес к его профессиональным занятиям, но и вообще дар речи. Если бы он был особью противоположного пола, то я бы нашел, о чем с ним пообщаться, тем более, что он оказался поляком, на языке которого я мог худо-бедно поговорить, так как читал их прессу. Тогда для нас были доступны лишь «демократические журналы» с Запада, при этом я знал всех современных польских режиссеров и кинозвезд. Впоследствии я встречал этого моралиста в ЗИНе, но потерял к нему всякий интерес.

Были у меня и другие знакомые поляки, но отношения с ними носили амикишонский характер, главным образом, благодаря их заносчивости и польскому самодовольству.

Один из них регулярно заставлял меня посылать ему жуков с Урала, но когда мои ЗИНовские коллеги не рекомендовали мне делать этого, то он написал мне удивленное письмо: «почему я не шлю ему новых жуков, уж не умер ли я?» После этого напутствия, желание с ним общаться у меня исчезло, тем более, что он мне ничего не обещал.

Другой мой друг – сын известного профессора-химика объявлял всем своим знакомым, что он уважает меня не теми «дуратскими книжками», которые я пописываю, а тем, что меня в студенческие годы выгнали из «союза молодежи» (комсомола), что было чревато тогда ущербной карьерой, а с его точки зрения, своеобразным подвигом. После демократической перестройки он воспрянул духом и мечтал завоевать мир, но побывал только в США.

«Один из славянских народов – поляки представляют действительное и грустное исключение. Насильственность и нетерпимость отметили характер их истории. Но та сравнительно небольшая доля польского народа – шляхетство, к которой только и может относиться этот упрек, могла усвоить себе европейскую насильственность, не иначе, как исказив весь свой славянский образ, совершенно отказавшись от него, сделавшись ренегатом славянства во всех отношениях до такой степени, что обращается в орудие Турции для угнетения славян», - писал Данилевский в 1868 году.

Некоторые люди, лишённые воображения, считают, что история не повторяется, как эволюция. Некоторые отрицают, что истории не нужны мифы и символы, что она строится на фактах и лишена мистики. Однако как нам, людям, пережившим фашизм и предательство, накануне 69 годовщины Великой победы смотреть в глаза своим предкам, когда весь Западный мир осуждает Россию и угрожает ей своими санкциями за противостояние новым бандеровцам, когда они бомбят Славянск и Луганск, когда горстка патриотов готова погибнуть, но не отдать свою землю озверевшему врагу. При

этом особое удивление вызывает Польша, которая больше других пострадала от немцев и украинских карателей во Второй Мировой войне, и тем не менее, после всего этого, совместно с Литвой, поставляет свои войска в НАТО для борьбы с Россией.

Всем хорошо известно, что поляки предавали нас во всех трагических событиях, которые переживала Россия. «Неисправимое отношение высших классов к низшим, неумение охранять собственную народность, - а между тем беспрестанное стремление угнетать другие народности, лишая их не только политической жизни, но и всякой свободы религиозной и бытовой, - смуты, производимые в соседних государствах, и наконец, измена своему племени – достаточно доказали неспособность поляков к государственной жизни» (Данилевский, 1995).

В 1413 году на Гродельском польско-литовском съезде был заключен новый договор об унии с принятием католицизма и постоянное «втеление» великого княжества Литовского в Польское королевство, в результате чего была инкорпорация, открывшая дорогу влияния польской культуры на жизнь Литовско-Русского государства, что привело к национально-религиозной вражде и ненависти.

В 1593-1613 гг. в Московском государстве благодаря полякам происходило «смутное время», которое едва не привело к его династической, социальной и национальной гибели.

В Отечественной войне 1812 года поляки помогают Наполеону взять Москву, а в 1815 году Александр I дает Польше конституцию, предоставляющую законодательную власть Польскому сейму и назначает наместником в царстве Польском бывшего начальника одной из дивизий в армии Наполеона генерала Зайончека.

В 1830 году Французская революция дала толчок польскому движению, и в конце этого года в Польше вспыхнуло восстание. Вся польская армия присоединилась к восставшим, а великий князь Константин с небольшим русским гарнизоном едва успел выбраться из Варшавы.

Клеветникам России

*«О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнение Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос».*

А.С. Пушкин

В 1919-1922 гг. диктатор Польши Юзеф Пилсудский беспощадно расправляется с революционным движением. В 1920 году он организует военные действия против Советской России и, не моргнув глазом, уничтожает тысячи русских пленных голодной смертью.

В период «демократической смуты» в Российской Федерации поляки поднимают шумную кампанию по проверке репрессий в период борьбы русского народа с фашизмом, но Бог карает их авиационной катастрофой, в которой они пытаются обвинить

Россию. В настоящее время они удивляют мир разрушением памятников русских воинов, освободивших их от нацистов.

Данилевский пришел к жесткому выводу, подтвержденному всей практикой истории: «Европа враждебна России». Поэтому, ссылаясь на исторический опыт, он предостерегал от культурной экспансии Запада. Политическое равновесие выгодно европейским государствам и их «вегетативному отводку» за океаном. Отсюда они всегда руководствуются двойным стандартом принятия политических решений. Эти перенаселенные, лишенные природных ресурсов страны всегда будут завидовать России и ее бескорыстному и свободолюбивому народу. Они будут завидовать и поэтому не любить Россию, относиться к ней враждебно, тем более, что они привыкли захватывать все, что никому не принадлежало. Присоединять все это ничейное в виде колоний и доминионов к своей собственности под власть и корону своей Королевы, своего государства, своего «законного» права.

Данилевский как представитель органической теории в русской общественной мысли понимал, что только народ является главным субъектом истории, что каждый народ творит свою историю, свою цивилизацию для себя, и что она не приемлема для других.

Запад близок к своему полному распаду, первым признаком которого является логический рационализм, пронизавший его философию, науку, политику, искусство и мораль, а главное, - религию. Меркантильная рассудочность западного просвещения вытеснила все другие стороны человеческого духа и утратила способность поступательного развития.

Как истинный биолог, он ощутил запах гниения, как полного разложения состава органических тел, и понимал, что этот запах привлекает внимание наших западников и наносит им самое чувствительное оскорбление.

Данилевский понимал, что Солнце достигает высшей точки своей кульминации в момент полудня, но результат этого движения, теплота - продолжает еще возрастать после того, как причина, ее производящая, стала уже склоняться. Как грамотный историк он приводит много примеров, когда творческие силы ряда цивилизаций клонятся к своему падению. И полагает, что такой эпохой расцвета Европы можно считать возведение Храма Петра, расцвет творчества Рафаэля, Микельанджело, Кореджио, Шекспира, открытия Кеплера, Галилея, Бэкона, Декарта, которые закладывали основы нового мышления, и вторым этапом – XIX век, когда были достигнуты теоретические и практические следствия этих открытий.

Великим людям всегда был присущ дар предвидения. За этот дар и ценили их современники. «Неужели же можно не в шутку утверждать, как то некогда делали Хомяков и Киреевский, что Запад гниет? Сами славянофилы, по-видимому, отказались от этой экстравагантности. Защищать такие парадоксы – не значит ли хотеть быть *plus royaliste que le roi*?» (быть более роялистом, чем сам король). И тем не менее Н.Я. Данилевский взял на себя смелость доказать, что этот процесс начался во второй половине XIX столетия, когда еще Освальд Шпенглер не написал свой двухтомник «Закат Европы», а Карл Маркс не закончил свой «Капитал». Когда выдающиеся гуманисты и социологи Альберт Швейцер и Питирим Сорокин еще не провозгласили благоговение перед жизнью и соединение двух миров (капитализма и социализма), а В.И. Вернадский не предсказал наступление эры ноогенеза.

Список использованной литературы

Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Н.Я Данилевский. Россия и Европа. СПб.: «Глагол», 1995. 552 с.

Гершензон С.М. Роль естественного отбора в распространении и динамика меланизма у хомяков // Журнал общей биологии. 1946. Т. 7. № 2. С. 97-130.

Гершензон С.М. Микроэволюция, полиморфизм и доминантные мутации // Природа. 1985. № 4. С. 80-89.

Горбань А.Н., Хлебопрос Р.Г. Демон Дарвина. Идея оптимальности и естественный отбор. М.: Наука, 1988. 180 с.

Гумбольдт А. Путешествия в равноденственные области Нового Света. М.: Географиз, 1963. 504 с.

Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. I. Ч. II. СПб.: Издание М.Е. Комарова, 1885. 697 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1895. 673 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: «Глагол», 1995. 513 с.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. 1907. Т. 1. М. изд. Юлешковского. Перевод К.А.Тимирязева. С. 55-434.

Из переписки Дарвина. 1861-1871. Т. VIII. Дарвин, 1908. С. 83.

Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина. Т. VIII / Пер. К. Тимирязева. М., 1908. 424 с.

Ирвин У. Дарвин, Гексли и эволюция. М.: Молодая гвардия, 1973. 464 с.

История биологии. С древнейших времен до начала XX века / Под ред. С.Р. Микулинского. М.: Наука, 1972. 564 с.

История социологии: учебное пособие / Под общ. ред. Елсукова А.Н и др. Минск, 1993. 381 с.

Колчинский Э.И. Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Лаздин А.В., Протасов В.Р. Электричество в жизни рыб. М.: Наука, 1977. 88 с.

Марков А.В. Эволюция человека. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель, 2011. 512 с.

Новожинов Ю.И. Соотношение полов – специфический параметр элементарной природной популяции // Журнал общей биологии. 1971. Т. 32. № 1. С. 37-44.

Новожинов Ю.И. Популяция – наименьшая хорогенетическая единица эволюции // Зоологические проблемы Сибири. Новосибирск, 1972. С. 26-27.

Новожинов Ю.И. Отбор на популяционном уровне // Журнал общей биологии. 1976. Т. 37. № 6. С. 843-853.

Новожинов Ю.И. Полиморфизм и адаптивность популяций // Фауна и экология насекомых Урала. Свердловск, 1976. С. 3-15.

Новожинов Ю.И. Полиморфизм и видообразование // Журнал общей биологии. 1979. Т. 40. № 1. С. 17-33.

Новожинов Ю.И. Социобиология и филогенетическая эволюция человека // Биология и современность / Под ред. А.В. Яблокова. М.: Просвещение, 1990.

Новожинов Ю.И. Последние из могикан // Урал. 1994. № 10-11.

Новожинов Ю.И. Таинственное либидо: Социобиологический анализ человеческой сексуальности. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 768 с.

Новожинов Ю.И. Адаптивность красоты. Социобиологический анализ прекрасного. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 480 с.

Новожинов Ю.И. Статус-секс и эволюция человека. 2-е изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 202 с.

Новожинов Ю.И. Социобиология и экологическая геополитика. Екатеринбург: Раритет, 2008. 203 с.

Новожинов Ю.И. Глобализм и социобиология. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 241 с.

Новожинов Ю.И. В.И. Вернадский – последний русский энциклопедист и основоположник синергетики биосферы // Росы. 2013. № 2. С. 40-47.

Новожинов Ю.И., Михайлов Ю.Е. Фенетика периферических популяций некоторых насекомых // Популяционная фенетика / Под ред. А.В. Яблокова. М.: Наука, 1997. С. 89 -100.

Новожинов Ю.И., Табулдин Г.Ж. Социобиологическое постижение истории. Кокшетау: Мир печати, 2012. 240 с.

Протасов В.Р. В электрическом мире рыб // Природа. 1973. № 10. С. 48-58.

Страхов Н.Н. Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: «Глагол», 1995. 552 с.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы микроэволюционного процесса // Бот. журн. 1958. Т. 43. № 3. С. 317–336.

Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. М.: Наука, 1969. 408 с.

Уолтер Г. Живой мозг. М.: Мир, 1970. 300 с.

Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Журн. эксперим. биол. 1926. Сер. А. Т. 2. Вып. 1. С. 3-54.

Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). М.-Л.: АН СССР, 1946. 396 с.

Alcock J. The Triumph of Sociobiology. Oxford University Press, 2001. 272 p.

Baldwin J. M. A New Factor in Evolution // The American Naturalist. 1896. Vol. 30. No. 354. P. 441-451.

Dobzhansky T. Mankind evolving: the Evolution of the Human species. New Haven: Yale University Press, 1962. 400 p.

Haeckel E., Natürliche Schöpfungsgeschichte. Berlin: G. Reimer, 1879. 718 p.

Kölliker A. Icones histiologicae oder Atlas der vergleichenden Gewebelehre. Zweite Abtheilung. Der feinere Bau der höheren Thiere. Erstes Heft. Die Bindesubstanz der Coelenteraten. Leipzig, Verlag von Wilhelm Engelmann. 1864. S. 87-181.

Lewontin R.C. The Units of Selection // Annual Review of Ecology and Systematics. 1970. Vol. 1. P. 1-18 (<http://www.jstor.org/stable/2096764>).

Timofeeff-Resovsky N.W. Mutation and geographical variation // The New Systematics / Ed. J. Huxley. Oxford: Clarendon Press, 1940. S. 73-136.

Timofeeff-Ressovsky N.W. Ueber den Mutationsmechanismus und die Natur der Gene // Nova Acta Leopoldina (Halle). 1940. Bd. 28. S. 253.

Wilson E.O. Sociobiology: The new synthesis. Belknap Press of Harvard University Press, 1975. 697 p.

Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge: Harvard University Press, 1978. 260 p.

Рецензент статьи: ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН, доктор биологических наук, профессор Е.В. Колтунов.